

Т. В. Якушкина

Наполеоновская кампания глазами американского просветителя

В статье речь идет о последнем стихотворении Джоэля Барлоу, американского дипломата и поэта, «Совет ворону в России». Написанное под впечатлением от увиденного в России в ноябре-декабре 1812 г. стихотворение дает моральную оценку Наполеону и его военной политике. Основным художественным приемом в построении образного ряда становится библейская аллюзия.

Ключевые слова: литература американского Просвещения, Барлоу, Наполеон, аллюзия

Tatiana V. Yakushkina

The Napoleonic campaign in the eyes of an American enlightener

The article is dedicated to the last poem of Joel Barlow, American diplomat and poet, «Advice to a Raven in Russia». Based on the poet's experience in Russia in November-December 1812, the poem gives a moral appraisal of Napoleon and his military policy. The system of images is built on biblical allusions which is the main artistic technique in the poem.

Keywords: literature of the American Enlightenment, Barlow, Napoleon, allusion

Джоэль Барлоу (1754–1812), как все просветители XVIII в., совмещал активную политическую деятельность с литературным трудом, в котором публицистическое начало неотделимо от собственно художественного. Он автор больших произведений, од и поэм, многословных, тяжеловесных, перегруженных мифологическими образами и высокопарной риторикой, среди которых до сих пор как пример неудавшейся попытки возродить гомеровский эпос на американской почве вспоминается его «Колумбиада» («The Columbiad», 1807). Как литератор Барлоу имел определенную известность, однако, выполняя различные дипломатические миссии, считал себя в первую очередь политиком. Его поэзия нередко была лишь рифмованным выражением его политических взглядов; неудивительно, что среди современников наибольший резонанс получили его сатирические памфлеты и стихи.

Основные сочинения Барлоу, эпические поэмы и памфлеты, не являясь образцами высокой литературы, давно потеряли свою актуальность и стали предметом изучения узкого круга специалистов. К разряду читаемых, пожалуй, можно отнести только два произведения американского поэта-просветителя: ироикомическую поэму «Скорый пудинг» («The Hasty-Pudding», 1793), написанную легко, с юмором, в которой автор прославляет жизнь простых американцев и их любимое блюдо, маисовый пудинг, и стихотворение «Совет ворону в России» («Advice to a Raven in Russia», 1812). Созданное в ноябре-декабре 1812 г. стихотворение отражает личные впечатления поэта от увиденного в России. Оно

было напечатано в Америке в 1843 г.¹ Но лишь восемьдесят лет спустя, в 1930-е гг., когда американская критика обратилась не только к биографии Барлоу², но и к его сочинениям³, стихотворение получило свое первое критическое осмысление⁴. С тех пор Барлоу и его литературное наследие вызывают достаточно стабильный интерес исследователей⁵. Особую группу среди них составляют американские дипломаты, пишущие историю своего цеха⁶.

В нашей стране у Барлоу, учитывая специфику его таланта, сложилась достаточно успешная судьба. Упоминания о нем можно найти практически в любом исследовании по истории американского Просвещения. Ему посвящены специальные статьи в справочнике «Писатели США»⁷, академической истории литературы США⁸, небольшие разделы в учебниках Б. А. Гиленсона и Н. А. Соловьевой («Барлоу и его размышления об эпической поэзии»)⁹. Стихотворение «Совет ворону в России» упомянуто практически в каждой из публикаций, в 1982 г. оно было переведено на русский язык¹⁰. Однако несмотря на свою причастность к русской истории, ни одной статьи, специально ему посвященной, в отечественной критике нам найти не удалось. Стихотворение Барлоу давно заслуживает особого разговора, который в свете юбилея Бородинского сражения кажется особенно уместным: «Совет» американского поэта и дипломата предстает интересным свидетельством эпохи, отсылающим к событиям 1811–1812 гг. и заставляющим задуматься над уроками истории¹¹.

В 1811 г. четвертый президент США Джеймс Мэдисон назначил Барлоу американским полно-

мочным представителем во Франции. Америка в начале века боролась за снятие ограничений Англии и Франции на торговлю с нейтральными странами. В 1810 г. Франция свои ограничения отменила, и Барлоу, опытный дипломат и политик, который долгое время жил во Франции, свободно владел языком и сохранил хорошие связи при французском дворе, в конце августа отправился в Париж. В его миссию входило заключение торгового договора с Наполеоном и освобождение задержанных французами двухсот американских торговых кораблей¹².

Осенью 1811 г. французский император был занят подготовкой русской кампании. Планируя поход на Москву, Наполеон пытался столкнуть своего заклятого врага Британию с Америкой, поэтому в отношениях с американским дипломатом вел двойную игру: устные договоренности не получали письменного подтверждения, решение насущного для Америки вопроса все время откладывалось. Политика Наполеона имела успех: 1 июня началась Англо-американская война (1812–1814), 24 июня наполеоновская армия перешла Неман, разделявший Пруссию и Россию. Война, начатая США, заставляет Барлоу удвоить усилия по подписанию договора с Францией. В ответ на настойчивость американского дипломата ему было предложено приехать на встречу с императором в Вильно (Вильнюс), где Наполеон, уже покинувший Москву, предполагал развернуть свою зимнюю штаб-квартиру. 27 октября 1812 г. Барлоу выехал из Парижа.

Его путь до Вильно восстановлен американскими историками едва ли не по дням: 3 ноября – Берлин, 11 ноября – Кенигсберг, 18 ноября – Вильно. Как пишет Ира Дай, в Вильно никто не имел представления о масштабах катастрофы: министр иностранных дел в правительстве Наполеона герцог Бассано возвращал работу своего министерства; из Парижа прибывали представители дипломатических корпусов. 29 ноября, когда Наполеон едва не потерял армию при переправе через Березину, Бассано еще уверял иностранных дипломатов, что все идет хорошо, и император через неделю прибудет в свою штаб-квартиру. 5 декабря стало известно, что в 60 милях от Вильно были замечены русские казаки. Иностранные дипломаты ринулись бежать вместе с отступающими французами¹³. Спасаясь от русской армии, Барлоу направился в Польшу. В декабре 1812 г., когда стояли небывалые морозы (ниже -20° C), почти две недели пути по 15 часов в день в промерзшей карете стоили Барлоу жизни. 26 декабря недалеко от Кракова он скончался от воспаления легких.

Свое последнее стихотворение Барлоу, по видимому, начал сочинять в Вильно. Однако ряд деталей (упоминания о казачьих набегах, дороге от Минска до Москвы; разработка темы холода) дают основания думать, что поэт продолжал работать над ним и после бегства из города.

Длинное, в 82 строки, стихотворение Барлоу написано в форме размышлений лирического героя, обращенных к Ворону. Лирический герой советует птице не терпеть голод – от сильных морозов трупы замерзли настолько, что Ворону не выклевать и жилки, и лететь в Испанию, где Наполеон ведет еще одну военную кампанию. Такой поворот темы позволяет автору не ограничиваться изображением событий в России, а осмыслить их в контексте всей военной политики французского императора. Барлоу перечисляет народы и страны, которые Наполеон привел в движение своей волей: «баварцы, австрийцы, и те, кто пьет из реки По»; Германия, Невстрия (Нормандия), Бельгия, Галлия; далее будут упомянуты «иберийцы, лузитане¹⁴, британцы», а также Калабрия, Мальта, Греция, Египет, Сирия, остров Доминго, Индия. Поэтика перечисления рождает впечатление колоссального размаха и усилена гиперболой: «птица не долетит туда, где полощутся потрепанные знамена Наполеона» («No Raven's wing can stretch the flight so far / As the torn bandrols of Napoleon's war»¹⁵). Ряд названий стран и народов дан в их латинском звучании. Это не только дань классицистской поэтике, свойственной американским просветителям. Такой прием вместе с определением «великий» («The great Napoleon») должен пробудить у читателя исторические ассоциации: поэт намекает на претензии Наполеона стать Александром Великим Нового времени.

О стихотворении Барлоу критики не зря говорят как о «совершенно непохожем на все, что им было создано до этого»¹⁶. Здесь, как ни в каком другом сочинении американского поэта, политика пропущена сквозь призму личного переживания. Изменения на карте мира оцениваются не с позиции дипломата, отстраненно наблюдающего за ходом событий, а с позиции человека, застигнутого войной и переживающего ее лишения. Иная перспектива – взгляд не издалека, а «изнутри», делает это стихотворение Барлоу одним из «самых страстных»¹⁷ и вместе с тем «одним из самых горьких и самых пессимистических его произведений»¹⁸.

Развитие лирического сюжета начинается с темы России. Она изображена с пасмурным стылым небом («these frozen skies», «these dreary skies») и сугробами снега («these hills of snow»).пейзажные детали очень скупы и подобраны в соответствии с характерной для эпохи оппо-

зицией Севера и Юга: в отличие от остальных стран Европы, где «солнца светят ласковее» («where milder suns invite»), Россия – страна севера. Ее неотъемлемый мотив – не зима как время года («winter» поэт использует в качестве глагола «зимовать», а не существительного), а холод как ощущение. Этот мотив развивается через сопутствующие ему мотивы твердости (не имея укрытия, солдаты наполеоновской армии замерзли настолько, что превратились в мрамор – «His tentless troops are marbled thro with frost»); хрупкости (те, кто перестал дышать, стекленеют на морозе – «And change to crystal when the breath is lost»); неподвижности и голода. Личный опыт, кажется, помог американскому поэту передать весь спектр физических ощущений, которые испытывает замерзающий человек. Неслучайно холод в стихотворении Барлоу – это смерть, в то время как огонь и тепло – жизнь («Mere trunks of ice, tho limb'd like human frames / And lately warm'd with life's endearing flames»). Однако Барлоу далек от того, чтобы связывать поражение французской армии с климатическими особенностями России. Причину разгрома он видит в самом Наполеоне.

Сведения биографов и историков противоречивы: одни пишут о том, что Барлоу никогда лично с Наполеоном не встречался¹⁹, другие – что встреч было как минимум две²⁰. Все американские исследователи отмечают также то, что в своих оценках Наполеона Барлоу был весьма сдержан и даже критичен²¹. У автора данной статьи не было доступа к архивам, позволяющим проследить возможную эволюцию в отношении Барлоу к Наполеону. Но анализируемое стихотворение является тем документом, который без сомнения позволяет судить о выводах, к каким пришел американский дипломат в осмыслении личности Наполеона и его роли в истории.

Интерпретация образа французского императора отличается двойственностью. С одной стороны, Барлоу не может не признать его величия и прямо называет Наполеона «великим». В этом определении, впрочем, уловим оттенок иронии, – как будто лирический герой горько усмехается над собственной недавней наивностью. С другой стороны, Наполеон предстает как фигура исполинская по масштабам своих злодеяний, взявшая на себя право вершить судьбы народов и одержимая идеей войны. Эта сторона образа раскрывается опосредованно, через образы его жертв – миллионы убитых и Ворона – верного спутника и друга императора.

Барлоу так описывает картину бедствий, причиненных Наполеоном, что образ французского императора постепенно приобретает мифологические черты: его действия являют-

ся источником зла, он не несет ничего, кроме смерти, – в образе появляются аллюзии к Сатане. Подобно трехголовому Церберу, охраняющему вход в Аид, Наполеон подверг соотечественников тройному призыву²², «который, как адский пес, чтобы хорошо удержать свою жертву, хватается сразу в три пасти» («The triple BAN, that like the hound of hell / Gripen with three joles, to hold his victim well»). Легионы Наполеона («his legions», ст. 19) вызывают воспоминание о легионах Сатаны («легион имя мне» – Евангелие от Марка 5, 9): как от Сатанинского воинства, бесов, «исходит либо жар преисподней, либо адский холод»²³, армия Наполеона оставляет позади себя горящие города и замерзшие человеческие трупы. У Барлоу сохранен даже мотив зловония, неотъемлемый от религиозно-мифологических представлений о Сатане: легионы Наполеона, «растекаясь по всей земле, оскверняют воздух [запахом] крови разных народов» («Abundant there they spread the country o'er / And taint the breeze with every nation's gore»), там, где они пройдут, «земля источает зловоние от убитых людей» («Each land lie reeking with its people's slain»).

Неожиданную интерпретацию в связи с аллюзиями к Сатане получает и библейский мотив восстания. У Барлоу он трансформируется в немой укор, застывший в глазу замерзшего солдата. Глаз пялится на Бога, «как будто хочет узнать, / В чьи мерзкие руки он отдал землю» («as if to know / In what cursed hands He leaves his hands below»).

Наполеон Барлоу мало чем напоминает образ мятежного и величественного Сатаны Мильтона, с поэмой которого американский поэт был хорошо знаком и которой даже стремился подражать в молодости²⁴. Образ Барлоу не несет в себе и следа революционного воодушевления. Образ его «Сатаны» скорее дается в бескомпромиссных оценках американских последователей Кальвина – враг человеческого рода: за Наполеоном тянутся реки крови, за его плечами остаются «миллионы и миллионы» погибших («millions, millions left behind»). К финалу стихотворения образ французского императора обретает черты исполинского чудовища, «неистовствующего и беснующегося над поверженным миром» («Raging and storming o'er the prostrate world»), неспособного утолить свой голод миллионами человеческих жизней.

Мотив голода, сквозной в стихотворении, объединяет Наполеона и его друга Ворона. Этот образ в стихотворении Барлоу не похож на его разработки у романтиков, птицу печали и мщенья С. Кольриджа («The Raven», 1797) или птицу ночи, зловещего прорицателя Э. По («The

Raven», 1845). В сравнении с ними Ворон Барлоу целиком существует в мире реальности и перегружен деталями, которые автор использует для выражения своих политических оценок.

Появление образа в стихотворении Барлоу задано тремя универсальными свойствами ворона как птицы, получившими развитие во всех религиозно-мифологических традициях: черным цветом, оглушительным криком и способностью выступать посредником между мирами (небом и землей, живыми и мертвыми, а также севером, холодом, и югом, теплом)²⁵:

Black fool, why winter here? These frozen skies,
Worn by your wings and deafen'd by your cries,
Should warn you hence, where milder suns invite,
And day alternates with his mother night²⁶.

Однако семантика образа этим не ограничивается. Поэт черпает из двух источников – Библии и фольклора. В книге Бытия ворон – птица, которую Ной выпустил из ковчега, чтобы тот принес весть о состоянии земли. Ворон «прилетал и отлетал», но вести так и не принес. С веткой оливы вернулся посланный вслед за ним голубь (Быт 8: 7). Миф о потопе с участием Ворона встречается и во многих фольклорных традициях, в частности у индейцев Северной Америки²⁷, где ворон сочетает функции «серьезного» героя-первопредка и трикстера. Как плут-трикстер ворон может попадать впросак, бывает одурачен; в этом качестве его отличительными особенностями являются состояние голода и прожорливость. Таким «черным глупцом», попавшим впросак, и предстает Ворон Барлоу: при избытке пищи, он не может утолить голод.

Если мотив нечистоты птицы как питающей трупам является наиболее часто встречающимся и общим для религиозных (Лев 11: 15, Вт 14: 6) и мифологических представлений, то любовь ворона к пустынным местам имеет, скорее всего, только библейское происхождение (Ис 34: 11). В стихотворении Барлоу этот мотив оживает в своем «перевернутом» виде: с едкой иронией лирический герой предлагает Ворону выбрать для обитания любую страну – Наполеон превратит ее для него в пустыню:

Choose then your climate, fix your best abode,
He'll make you deserts and he'll bring you blood²⁸.

Сарказмом проникнута аллюзия и к другому месту из Библии, где говорится о всемогуществе Бога. Промышляя обо всем мире, тварях и человеке, Бог не забывает и о воронах: он «внемлет крику юных птенцов ворона, требующих себе пищи от Него, и дает им потребное» (Иов 38: 41,

Пс 146: 9). Воспроизводя почти дословно этот стих из Священного Писания, Барлоу горько иронизирует над всемогуществом Наполеона: из всех голосов, вопиющих к нему, французский император внемлет только крику своих воронов. В очередной раз поэт намекает на бесчисленные человеческие жертвы наполеоновской политики:

Fear nothing then, hatch fast your ravenous brood,
Teach them to cry to Bonaparte for food;
They'll be like you, of all his suppliant train,
The only class that never cries in vain²⁹.

Еще один мотив, связанный с широко распространенным в мифологии представлением о том, что ворон выклеывает глаза у своей жертвы (кн. Притчей, 30: 17), Барлоу соединяет с мотивами железного когтя и клюва, встречающимися в древнеирландском и древнескандинавском фольклоре:

No! from their visual sockets, as they lie,
With beak and claws you cannot pluck an eye³⁰.

Однако какими бы деталями ни наделял Барлоу свой образ, все они так или иначе связаны с символикой смерти. Особенностью Ворона Барлоу является его подчеркнутая некрологическая семантика: он – падальщик, его сородичи – «пернатые каннибалы» («feather'd cannibals»).

Ворон назван в стихотворении другом Наполеона (ст. 7). Птицу и императора связывает дружба особого рода. Идея взаимовыгодного партнерства, которую Барлоу отстаивал как дипломат, предстает в его стихотворении в своем перевернутом виде. Наполеон и Ворон не могут обходиться друг без друга. Один без конца убивает людей и тем самым дает Ворону его «лакомую пищу», «искромсанную человеческую плоть» («You fear perhaps your food will fail you there, / Your human carnage, that delicious fare / That lured you hither»). Другой, Ворон, поедая трупы, помогает очищать Европу от последствий наполеоновских войн. Поэт называет его «имперским мусорщиком»:

For see what mutual benefits you lend!
(The surest way to fix the mutual friend)
While on his slaughter'd troops your tribes are fed,
You cleanse his camp and carry off his dead.
Imperial Scavenger!³¹

Мир в результате наполеоновских войн, таким образом, видится лирическому герою как мир, заваленный трупами разных народов, над которыми кружит стая воронов³². Сам Ворон

выступает неизменным спутником Наполеона, его знаком, каким он является у богов войны и смерти в европейской мифологии или Сатаны в христианской традиции.

Совмещение в пределах одного образа двух традиций – вполне объяснимая особенность для поэта, полагавшего, что религия – это одна из форм мифологии. Получив теологическое образование в Йейльском университете, и веря, как все пуритане, в неразрывную связь литературы с религией, Барлоу позже серьезно увлекся идеями Томаса Пейна. Под его влиянием он принял мысль о том, что религия – это не только мифология, но продукт человеческого воображения, который может быть использован как во благо, так и во вред человеку. Переход на философские позиции деизма, однако, не означал отказа от религии. Напротив, в 1790-е гг. Барлоу серьезно занят размышлениями о роли религии в демократическом обществе. Будучи яростным защитником идей республиканизма, Барлоу вместе с тем, настаивает на практической пользе религии как института, который формирует моральные устои общества. Религия, считает американский просветитель, должна стать инструментом государства, так как прочное государство невозможно без прочной морали. Отказавшись от порабощения человеческого разума, религия может содействовать совершенствованию человеческой морали и своими мифами вдохновлять людей на служение общественной пользе.

С другой стороны, видение общественных проблем сквозь призму христианской образности, практически обязательное в 1770-е гг., на которые приходится становление Барлоу-поэта, стало невозможным в изменившейся литературной ситуации рубежа XVIII–XIX вв. Барлоу стремится уйти от тяжеловесного языка своих предшественников и своих ранних сочинений, старательно убирает библейские и классицистические образы³³. Однако как бы ни менялись эстетические требования времени, на протяжении сорока лет своей литературной деятельности Барлоу всегда руководствовался в первую очередь принципами морали и политики, а не художественной красоты³⁴. Оценка Наполеона с этих позиций делала неизбежным обращение к библейской образности, как и пренебрежение требованиями меры и красоты стиля.

Барлоу прожил бурную жизнь. Он был не только активным защитником идеалов Американской революции и служил в юности полковым капелланом в войсках Вашингтона, но и участником Великой французской революции. Горячий сторонник революционного преобразования мира, он с течением времени вынужден был пересмотреть ряд своих убеждений.

Написав в 1793 г. на мотив английского гимна песню «Боже, храни гильотину» («God, Saves the Guillotine»), Барлоу в период якобинской диктатуры видел, как она обратилась против его друзей. Поэтизация народного восстания, несущего на своих знаменах просветительские идеалы справедливости и равенства, и неприятие власти, поднимающейся на ее гробнице, – вот та дилемма, которую долгие годы пытался разрешить американский просветитель.

Она ощутима и в последнем стихотворении Барлоу. Наполеон, пришедший на волне революции к власти, превратился в кровожадное чудовище. Барлоу, который в 1796 г. был шокирован казнью французского короля, теперь сам готов призвать народы мира обрушить свой гнев на голову Наполеона. У них нет другого пути избавиться от бесконечной череды войн, обрести мир и покой, как поднявшись на восстание:

Each land lie reeking with its people's slain
And not a stream run bloodless to the main.
Till men resume their souls, and dare to shed
Earth's total vengeance on the monster's head,
Hurl from his blood-built throne this king of woes,
Dash him to dust, and let the world repose³⁵.

Стихотворение Барлоу – интересный исторический документ, в котором привлекает взгляд не искушенного литератора – повторюсь: Барлоу таковым не был, – а взгляд современника, непосредственно, на собственном опыте ставшего свидетелем политики Наполеона. Отсюда тот эмоциональный заряд, которым проникнут финал стихотворения поэта: не горечь и подавленность, а негодование и ненависть к тирану.

Примечания

¹ Стихотворение было напечатано со значительными искажениями в пенсильванской «Хроникл» 10 октября. Об этом см.: Howard L. Joel Barlow and Napoleon // *Huntington libr. quarterly*. 1938. Vol. 2. P. 37–51.

² Miller V. C. *Joel Barlow: revolutionist*, London, 1791–1792. Hamburg: de Gruyter, 1932; Zunder Th. A. *The Early years of Joel Barlow*. New Haven: Yale univ. press, 1934. Первые биографические сведения о Барлоу появились в кн.: Todd Ch. B. *Life and letters of Joel Barlow*, LL. D.: Poet, Statesman, Philosopher. New York: G. P. Putnam's sons, 1886.

³ Подборка из сочинений Барлоу появилась в кн.: *The Connecticut wits* / ed. by V. L. Parrington. New York, 1926.

⁴ Howard L. *Op. cit.* В этой статье стихотворение впервые появилось в своем оригинальном виде.

⁵ Dos Passos J. *The Ground we stand on: some examples from the history of a political creed*. New York: Harcourt, 1941; Howard L. *The Connecticut wits*. Chicago: Univ. of Chicago

press, 1943; Woodress J. L. A Yankee's Odyssey: the life of Joel Barlow. Philadelphia: Lippincott, 1958; Elliott E. Revolutionary writers: literature and authority in the New Republic 1725–1810. New York: Oxford univ. press, 1982; Bernstein S. Joel Barlow: a Connecticut Yankee in an age of revolution. New York: Rutledge books, 1985; Mulford C. Joel Barlow's radicalism in the conspiracy of kings // Deism, masonry, and the enlightenment: essays honoring Alfred Owen Aldridge / ed. J. A. Leo Lemay. Newark: Univ. of Delaware press, 1987. P. 137–157; Dowling W. C. Poetry and ideology in revolutionary Connecticut. Athens: Univ. of Georgia press, 1990; Buel R. Joel Barlow: American citizen in a revolutionary world. Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 2011. Немало статей, посвященных Барлоу, было опубликовано в специальном научном журнале «Early American literature».

⁶ Sommers W. American writers who were diplomats. Joel Barlow: hero-diplomat // American diplomacy: Foreign Service dispatches and periodic reports on U. S. Foreign Policy. 2012. April. URL: <http://www.unc.edu> (дата обращения: 26. 09. 2012); Parker R. B. Neighbors of the Cosmos cub: the story of Joel Barlow and Kalorama // Cosmos J. 2001. Washington: Cosmos Club, 2001. URL: <http://www.cosmos-club.org> (дата обращения: 26. 09. 2012).

⁷ Автор статьи А. Николюкин. См.: Писатели США: крат. творч. биограф. / сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. М.: Радуга, 1990.

⁸ История литературы США / ред. Я. Н. Засурский, М. М. Коренева, Е. А. Стеценко. М.: Наследие, 1997. Т. 1: Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость: XVII–XVIII вв. С. 678–687. См. также более ранние редакции издания: История американской литературы / ред. А. А. Елистратова, А. Аникст, В. М. Жирмунский, А. И. Старцев, В. Ф. Шишмарев. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1.

⁹ Гиленсон Б. А. История литературы США: учеб. пособие для студ. филол. фак. ун-тов и высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. С. 36–37; Соловьева Н. А. История зарубежной литературы: Предромантизм: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. С. 267–268.

¹⁰ Пер. А. Эппеля: Поэзия США / сост., вступ. ст., коммент. А. Зверева. М.: Худож. лит., 1982. Поэтические цитаты в тексте статьи приводятся в этом переводе. Эппелю принадлежит и перевод поэмы «Скорый пудинг», опубликованный там же.

¹¹ О жизненности уроков Барлоу упоминает У. Соммерс в своей статье 2007 г.: дальний потомок Барлоу, преподаватель из Нью-Йорк Сити, использовал «Ворона» для критики войны в Ираке (Sommers W. Op. cit.).

¹² В балтиморском еженедельнике от 22 февраля 1812 г. в рубрике «Хроника» появилось сообщение о приеме Барлоу при правительстве Наполеона: «A letter from Paris dated the 18th of November, gives a most favorable account of the reception of our minister, Mr. Barlow, by the emperor. A particular day was appointed for his audience, instead of being received as usual among a crowd of diplomatists. He was waited upon and complimented by „the great dignitaries of the empire“, and introduced to

the emperor's cabinet by the prince arch chancellor, the high officers of state being in waiting. Mr. Barlow's address to Bonaparte has not been received, but the following is given as the reply of the emperor: „I am happy to receive a minister plenipotentiary from the United States, particularly so distinguished a gentleman, whose opinions are well known to me – make the English respect your flag, and you will obtain everything you wish from me“» [Письмо из Парижа, датированное 18 ноября, представляет отчет о самом благоклонном приеме, каковой был оказан нашему министру, м-ру Барлоу, императором. Он был принят не как обычный посол в толпе дипломатов, – ему был назначен день для аудиенции. Его ожидали и оказали знаки внимания «величайшие титулованные особы империи», а кабинету императора его представил великий канцлер, заставив ждать высокопоставленных сановников. Верительная грамота м-ра Барлоу не была вручена Наполеону, но следующие его слова были переданы в качестве ответа императора: «Я счастлив принять полномочного посла Соединенных Штатов, особенно столь выдающегося джентльмена, чьи взгляды мне хорошо известны. Заставьте англичан уважать ваш флаг, и вы получите от меня все, что пожелаете»] (The Weekly Register / ed. H. Niles. Baltimore, 1816. Vol. 1: from September 1811 to March 1812. P. 464).

¹³ Dye I. The Fatal cruise of the Argus: two captains in the War of 1812. Annapolis: US Naval inst., 1994. P. 125–127.

¹⁴ Ибейрийцы и лузитане – римские названия племен, обитавших на территории современных Испании и Португалии.

¹⁵ Здесь и далее стихотворение цитируется по: The Broadway anthology of literature of the revolutionary period. 1770–1832 / ed. by D. L. Macdonald and Anne McWhir. Toronto: Broadview press, 2010.

¹⁶ Elliott E. Op. cit. P. 126.

¹⁷ Dye I. Op. cit. P. 126.

¹⁸ Elliott E. Op. cit. P. 126.

¹⁹ Parker R. B. Op. cit.

²⁰ Dye I. Op. cit. P. 121; Sommers W. Op. cit.

²¹ Таким, по-видимому, было общее отношение американских государственных деятелей к Наполеону, во всяком случае, оценки Барлоу во многом перекликаются с суждениями Томаса Джефферсона. В письме от 23 февраля 1823 г. к Джону Адамсу Джефферсон делится своими впечатлениями от только что прочитанной книги О'Мира «Голос со Святой Елены» и в частности дает моральную оценку деятельности Наполеона: «I had thought him the greatest of all military captains, but an indifferent statesman, and misled by unworthy passions. <...> There was no safety to nations while he was permitted to roam at large. <...> The book proves, also, that nature had denied him the moral sense, the first excellence of a well organized man. <...> If he could consider the millions of human lives which he had destroyed, or caused to be destroyed, the desolations of countries by plunderings, burnings and famine, the destitutions of lawful rulers of the world without the consent of their constituents, to place his brothers and sisters on their thrones, the cutting up of established societies of men and jumbling them dis-

cordantly together again at his caprice, the demolition of the fairest hopes of mankind for the recovery of their rights and amelioration of their condition, and all the numberless train of his other enormities; the man I say, who could consider all these as no crimes, must have been a moral monster, against whom every hand should have been lifted to slay him» [Раньше я считал его величайшим из всех полководцев, но бездушным государственным деятелем и человеком, подверженным недостойным страстям. <...> Народы не знали спасения пока ему позволено было разгуливать на свободе. <...> Книжка доказывает также, что природой ему было отказано в чувстве морали, главном отличительном свойстве всякого хорошо организованного человека. Если бы он только мог принять в расчет миллионы человеческих жизней, которые он разрушил или стал причиной разрушения, страны, опустошенные грабежами, пожарами и голодом, низвержение законных правителей мира без согласия тех, кто их привел к власти, чтобы посадить на их троны своих братьев и сестер, разрушение сложившихся обществ людей, а затем их новое беспорядочное смешение по своей прихоти, разбитые надежды человечества на восстановление своих прав и улучшение своего положения и всю бесконечную череду своих чудовищных злодеяний; я скажу, что человек, который не сочтет все это преступлениями, должен быть моральным чудовищем, на которого каждый должен поднять руку, чтобы низвергнуть его] (Memoirs, correspondence, and private papers of Thomas Jefferson / ed. by Th. Jefferson Randolph. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1829. Vol. 4. P. 370–371).

²² Военные кампании Наполеона требовали наборов все новых и новых рекрутов. «В 1806 г., после сражения при Иене, оказывается недостаточным уже и целый призыв: приходится наперед забрать 80 000 человек призыва 1807 г. В 1808 г. было взято на службу 160 000 человек призывов 1809 и 1810 гг.» (Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. / пер. с фр., под ред. Е. В. Тарле. М.: Соцэкгиз, 1938. Т. 1, ч. 1: Время Наполеона I: 1800–1815).

²³ Харитонович Д. Э. Дьявол // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. М.: Росспэн, 2003. С. 159–163. См. также: Аверинцев С. С. Сатана // Мифы народов мира: энцикл. М.: Совет. энцикл., 1992. Т. 2. С. 412–414.

²⁴ Под определенным влиянием «Потерянного рая» Мильтона была написана первая эпическая поэма Барлоу «Видения Колумба» (1787).

²⁵ Подробнее об этом см.: Ворон // Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия / труд и изд. архимандрита Никифора: в 4 вып. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. Вып. 1: А–Е; Мелетинский Е. М. Ворон // Мифы народов мира: энцикл. М.: Совет. энцикл., 1980. Т. 1. С. 245–247; Семейн Л. Ю. Орнитологическая символика в англо-шотландской балладе: когнитив. аспект // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та: электрон. науч. журн. 2006. URL: <http://www.omsk.edu> (дата обращения: 26. 09. 2012).

²⁶ О, черный дурень! Что крылами трешь
Студены небеса и в крик орешь?
День с ночью теплых стран – не хлад и мраз –

Тебе приятней были бы как раз.

²⁷ «Шведская фольклористка А. Б. Рут, специально изучавшая мотив всемирного потопа, считает, что эти сюжеты возникли в результате контаминации индейских мифов о демиурге-ныряльщике, вылавливающем землю, с рассказами библейского происхождения о всемирном потопе, занесенными миссионерами» (Цит. по: Мелетинский Е. М. Указ. соч.).

²⁸ Он для тебя прольет, где хочешь, кровь, –
Ищи же поуютней край и кров...

²⁹ Не беспокойся ж! Алчных воронят
Учи кричать венчанному «виват» –
Порода ваша у него в чести,
Ей милости всех легче обрести...

³⁰ А из глазниц – холодный, как топаз, –
Ты клювом страшным не добудешь глаз,
И коготь твой скребет как бы гранит...

³¹ А коль широк услуг взаимных круг –
Тогда отзывчив и надежен друг.
Твой корм – тела погубленных вояк,
Ты мертвых клюешь, чистя тем бивак,
Имперский мусорщик!

³² Картина наполеоновских войн, рисуемая Барлоу, по своей идее и пафосу удивительным образом перекликается с картиной русского художника В. Верещагина «Апофеоз войны» (1871–1872), также стремившегося передать сущность войны глазами его непосредственного участника. Среди руин города и засохших деревьев возвышается огромная пирамида из человеческих черепов, над которой вьется воронья. Показательно, что на раме этой картины художник написал: «Посвящается всем великим завоевателям прошедшим, настоящим и будущим».

³³ Об этом подробнее см.: Elliott E. Op. cit. P. 105–119.

³⁴ Барлоу четко разграничивает эстетические и дидактические задачи, которые он как художник перед собою ставит. В предисловии к «Колумбиаде» он писал: «There is one point of view in which I wish the reader to place the character of my work, before he pronounces on its merits: I mean its political tendency. There are two distinct objects to be kept in view in the conduct of a narrative poem: The poetical object and the moral object. The poetical is the fictitious design of the action; the moral is the real design of the poem» [Есть одна точка зрения, с которой, как я бы хотел, читатель оценивал характер моей работы, прежде чем он вынесет суждение о ее заслугах: я имею в виду ее политическую направленность. Есть две явные цели, которые надо иметь в виду по мере развития действия в моей поэме: поэтическая цель и моральная цель. Поэтическая – это вымышленный ход событий; моральная – истинный замысел поэмы] (Barlow J. The Columbiad, a poem. London: Richard Phillips, 1809. P. V).

³⁵ В зловонье тленья – странам впредь лежать,
Потокам рдяным в странах тех бежать,
Покамест люди не обрушат месть
На зверя, чем позор побоищ несть,
И супостата с трона на крови
Сметут, чтоб жить в покое и любви.